

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА МИРА

УДК 821.161.1

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЭТИКА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ЧАША ЖИЗНИ»

© **Линь Е**

Сианьский университет Цзяотун, г. Сиань,
Китайская Народная Республика, кандидат филологических наук,
доцент-русист, литературовед; Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация,
стажер института филологии, e-mail: yeuil@163.com

Проанализирована философия жизни в малоизученном рассказе И.А. Бунина «Чаша жизни» (1913). Описав разные типы человеческого поведения, судьбу четверых главных героев, связанных между собой общностью быта и разной степенью причастности к религиозным поискам, автор продемонстрировал разнообразие бытия человека. Китайский исследователь обращает внимание на своеобразную композицию произведения, на последовательно разворачивающиеся события. Каждому герою предстоит испить его «чашу жизни» до дна. Автор статьи предложено свое прочтение имен главных героев, подчеркнута мысль о том, что они должны иметь высокое предназначение. Однако их бытие ограничено узким пространством существования. Отдельное толкование получает мотив смерти. Отношением четырех героев к смерти в аспекте экзистенциальной философии автор рассказа продекларировал точку зрения: смерть, как зеркало, отражает подлинную, искреннюю душу каждого из героев, которая закамуфлирована повседневным бытом. В художественном исследовании соотношения земного и небесного, жизни и смерти, вечности и памяти И.А. Бунин демонстрировал бессмысленность бытия с потерей духовного возвышенного предназначения, дарованного природой, от рода. В небольшом рассказе Бунина-художника сконцентрированы вечные проблемы. По утверждению автора статьи, исключительная художественная емкость достигается культурологической и экзистенциальной насыщенностью поэтики всей образной системы.

Ключевые слова: «Чаша жизнь» И.А. Бунина; экзистенциализм; философия бытия; мотив смерти; жанровая поэтика.

Рассказ И.А. Бунина «Чаша жизни» (1913) недостаточно исследован. А между тем, это одно из программных произведений писателя. В нем бунинское толкование «чаши жизни» соотносится с темой земного и небесного бытия, жизни и смерти. Иван Бунин, описав разные типы человеческого поведения, судьбу четырех главных героев, связанных между собой долголетием, общностью быта и разной степенью причастности к религиозным поискам, продемонстрировал разнообразие бытия человека: бытие-соперничество, бытие-существование и бытие-наслаждение.

Композиция рассказа включает двенадцать глав, словно символизируя собой полный цикл года – человеческого бытия. Перед

читателем последовательно разворачиваются события молодости, старости, мечтаний героев, их философия жизни и в заключение – смерть или приближение к ней. Интересно, что в рассказе ни разу не указан конкретный возраст героев. Это усиливает обобщенность временных обозначений – молодость и старость. Каждому предстоит испить свою «чашу жизни» до дна.

И.А. Бунин дает главным героям необычные имена с многозначным религиозным и античным подтекстом. Имя одного из них – о. Кир Иорданский – заставляет вспомнить знаменитого царя персов Кира Второго Великого (годы правления – 558–529 гг. до Р. Х.). По информации В.Н. Картавцева, взятой им из «Учебников дореволюционной

России по истории», «Кир поднимает персов, подчинявшихся мидийцам, на восстание, вместе с мидийцами свергает их царя Астиага, своего деда, и завоевывает огромные просторы Западной Азии: Лидийское царство во главе с богатейшим царем Крезом, Вавилонию вместе с Сирией, Палестиной и Финикией» [1, с. 186]. Фамилия «Иорданский» произошла от названия священной для христиан реки «Иордан». Река – мощный символ уходящего времени и жизни. А по сюжету И.А. Бунина о. Кир – человек «высокий, породный... долго был силен и красив», он был также «царем» в Стрелцеке: «Весь город восторгался отцом Киrom, как человеком необычайного ума и редкой учености. За великую честь считали принять и угостить его» [2, с. 320].

Герой сам поставил себя как человека избранного, стоящего выше остальных, не поддающегося суетности и соблазнам мирской жизни: «всегда и всем, не делая никаких исключений, он говорил «ты», жители для него – «стадо глупых овец» [2, с. 320]. Даже от него спешит укрыться старуха, семенящая «под прямым углом», прячущаяся в жидкой тени на противоположной стороне улицы, потому что о. Кир «ненавидел человеческое безобразие» [2, с. 322]. В герое И.А. Бунин создал обобщенный образ деспотизма и подавления, возвышения и доминирования над людьми. Отец Кир своей экзистенцией, своим сосуществованием разрушил утвердившиеся представления о гуманистической миссии священнослужителя.

Фамилия другого героя – Селихов – в юности «губернского франта», а затем богатого ростовщика, происходит от еврейского понятия «селиха» – «покаянная молитва», от глагола прощать и в этом значении употребляется в Псалмах. Однако всю свою жизнь Селихов положил на соперничество с Киrom Иорданским. «Тридцать лет, избегая встречаться, почти никогда не видя друг друга, не забывали друг о друге Иорданский и Селихов» [2, с. 317]. «Иорданский стал протоиереем и весь уезд дивил своим умом... А Селихов разбогател и прославился беспощадным ростовщичеством. Иорданский купил дом на Песчаной улице. Не отстал от него и Селихов: назло ему купил дом вдвое больше и как раз рядом с ним. Встречаясь, они не кланялись, делали вид, что даже не помнят

друг друга; но жили в непрестанной думе друг о друге, во взаимном презрении» [2, с. 317]. В результате долголетнего соперничества душевная сухость Селихова с возрастом становилась еще суше. Здесь нельзя не отметить его отношение к жене, которая и стала в некоторой степени причиной раздора: Селихов «всю жизнь ревновал ее к о. Киру, самолюбивый, как все маленькие ростом. А тот всю жизнь чувствовал к ней тяжелую, холодную злобу» [2, с. 318].

Еще один герой – Горизонтов (бывший семинарист) – символизирует духовный горизонт. Религиозный экзистенциализм Ясперса предусматривает неотрывность человеческого мира от горизонта божественного «всеохватывающего», как сказал бы Марсель, вовлеченности человека в «таинство бытия». М. Хайдеггер связывает феномены понимания и интерпретации существования человека именно в «горизонте», в горизонте языка, в диалоге с другими людьми, без которого немислим мир культуры [3, с. 2-15]. И действительно, Горизонтов в молодости «обладал сверхъестественной памятью, необыкновенными способностями и прилежанием» [2, с. 325], был «велик ростом и огромен в кости», его голос «потрясал стекла» [2, с. 326]. И этот человек «далеко мог бы пойти» [2, с. 326]. Именно в уста Горизонтова И.А. Бунин вложил слова о «чаше жизни», и он был единственным героем, кто хотя бы задумывается над смыслом человеческого существования.

Но все силы Горизонтова направлены на продление жизни и активности. Поэтому герой рассматривает свою жизнь как существование, борьбу за долголетие, при этом на первое место он ставит удовлетворение физической потребности в питании, не обременяя себя мыслями о духовных ценностях. Прозвище «Мандрилла» подчеркивает его нечеловеческие характеристики и земную философию сбережения плоти. Обезьяна была воплощением «низшей природы человека, его инстинктов, темных бессознательных начал» [4, с. 608]. На одном из символических изображений «человек стоит изображенным между двумя полюсами своей природы: ослепительным светом внутреннего божества и дегенеративным обликом своей внутренней «обезьяны». У него есть выбор: один возвысит его до мира духовного, дру-

гой – отбросит вниз, в звериное состояние» [5, с. 290]. Обезьяна – антипод высшей божественной природы, обозначение животного состояния. Именно такой выбор делает Горизонтов, предпочитающий биологическое, телесное душевно-духовному, сводящий цель жизни «к долголетию и наслаждению». Ради этого отвергается любовь, все подчинено «разумным, железным» привычкам, полным воздержанием от «сношений с женщинами, существами суетными, злыми, низкими по интеллекту» [2, с. 326]. Это человек, лишенный живой человеческой природы. Его мировоззрение дико и чуждо русской православной культуре.

А вот героиня Александра Васильевна, ее девичья фамилия Диесперова происходит от латинского слова «Diespiter», которое имеет значение «Юпитер» – царь всех богов и людей, податель плодородия, изобилия, победы, помощи, исцеления. Таким образом выясняется связь героини с духовным сословием [6, с. 244]. И судьба ее пересекается в большей или меньшей мере с судьбами всех героев. Не случаен поступок юродивого Яши: «И, подбежав, поплевал и сунул ей в руку, – как бы украдкой и надеясь обрадовать, – четыре щепочки, связанные бычком» [2, с. 331].

Это носительница красоты, и по предназначению она должна дарить любовь. Но любовь не принесла ей ни счастья, ни семейного уюта, ни детей, ни радости. После замужества, плененная городом, мужем, домом, внешняя красота Александры Васильевны быстро увяла. Будучи беспечальной и красивой девушкой, она в то лето носила цветастый мордовский костюм, большим бантом красной шелковой ленты завязывала конец толстой русской косы, чувствуя себя окруженной вниманием. Теперь она уже сменила яркий костюм на «темное старушечье платье, старушечьи туфли» [2, с. 330], в полном соответствии хтонической зоне, а в церковь надевала черный бурнус. Она с тоской чувствовала, что «не о чем стало ей молиться. Только о царстве небесном разве? Да, но какие права были у нее на него? Что она такое сделала? За что было награждать ее?» [2, с. 330].

Она как дочь заштатного священника после замужества сохраняет привычку постоянного посещения Никольского храма,

строго соблюдает церковные установления. Однако ее религиозность носит характер внешнего соблюдения ритуалов, ничто не затрагивает ее душу. После смерти мужа, долголетней несчастливой супружеской жизни, ей снился страшный сон, что передает ее подсознание незаконности, запретности страстного чувства, любви. Здесь становится понятным языческое пророчество Яши: «Радуйся, Афродита Розоперстая!» «Радуйся!», оно означает радость земной жизни, а не духовного просветления. И она в новом коричневом платье, с цветными перстнями едет встречать известного чиновника, надеясь на встречу с отцом Киrom, которая состоялась 10-го июня, в «страшную жару». Мотив жары в бунинском художественном мире часто связан с плотским соблазном, сильной страстью влюбленных. Подобная ситуация появляется в рассказах «Солнечный удар», «Русь» и др. Такая греховная жажда любви принесла героине только жизненную трагедию.

В самом деле, все главные герои рассказа «Чаша жизни» не оправдали их высокого человеческого предназначения. И.А. Бунин через значимые имена, многозначительные религиозные и античные подтексты подчеркивает мысль о том, что персонажи по их судьбам должны иметь высокое предназначение. Но герои вели совсем бездуховную жизнь: всю свою жизнь тратили либо на соперничество в достижении известности, достатка и почета, либо на увеличение благосостояния и на наслаждение долголетием жизни. Их бытие ограничено узким пространством существования с начала до конца рассказа.

«Вечно заперты были ворота о. Кира, подворотня заложена тяжелой тесиной. Отворялись эти ворота только тогда, когда приезжал водовоз, старичок в кумачной рубахе» [2, с. 320]. Селихов «на улицу никогда не выходил», и гости у него «только два–три человека, и все они одни и те же: помощник исправника, податной инспектор и нотариус – бывали не больше двух–трех раз в году» [2, с. 319]. А Александра Васильевна часто «сидела в своей спальне окнами во двор и вязала чулок. Она думала о прошлом, о будущем, порою привычно, не бросая работы, плакала» [2, с. 318]. Отец Кир Иорданский, Селихов и Александра Васильевна ни разу не покидали Стрелецк за всю свою жизнь. Узость кругозора и пространства их экзистенции, сущест-

вования определяет душевную замкнутость и ограниченность жизни, бытия героев.

Кроме того, название городка, где разворачиваются истории наших героев, создает для рассказа мифологическое и многозначное пространство. Вымышленное название «Стрелецк» не указано ни в географических справочниках, ни в энциклопедиях. Анализ Т.В. Сасиковой в своей работе «Чаша жизни» И.А. Бунина в контексте мировой культуры» подтверждает, что по астрологическому коду Стрелец – знак Зодиака. Находясь в данном созвездии по мере прохождения годичного круга, солнце входит в кризисную фазу, переживая смерть (самые короткие дни, зимнее солнцестояние) и готовясь к возрождению [7, с. 47]. М.П. Холл, обобщивший в своей энциклопедии многовековой опыт грезившего о постижении вселенских тайн человечества, отметил: «Знак Стрельца изображает кентавра, сложное создание, нижняя часть тела которого была конской, а верхняя человеческой. Кентавр изображается при этом натягивающим лук со стрелой, целящим далеко в звезды. Поэтому Стрелец представляет два различных принципа: во-первых, он представляет духовную эволюцию человека, поскольку человеческая форма возникла из животной; во-вторых, это символ устремлений и амбиций, потому что кентавр целится в звезды, и, значит, каждое человеческое существо ставит перед собой цели, которых оно не может достичь» [8, с. 182]. Символический смысл кентавра соответствует циклам года и таинственно подчеркивает тему рассказа – тему жизни, бытия человека.

В течение тридцати лет о. Кир, который по роду своего служения связан с благородными качествами человека и взвешенным смыслом жизни, вечно хмельной. И все свои силы он потратил, как говорилось, на соперничество с Селиховым в достижении известности, достатка и почета. Селихов в течение жизни увеличивал свое благосостояние, чтобы победить Кира Иорданского, никогда не чувствовал любви к жене, «всю жизнь чувствовал к ней тяжелую, холодную злобу» [2, с. 318]. Для него деньги, что хранятся в сейфе, главная ценность, и даже самый сейф имеет вид «живого глазастого» [2, с. 319] существа. Он не хотел и не способен даровать жене все, что потенциально предполагает семья – любовь, детей и стабильный дом,

заставил ее страдать от неудовлетворенной потребности любить и быть любимой.

Важно подчеркнуть, что повествование рассказа сосредоточено на предсмертных чувствах героев, на их воспоминаниях о молодости, которые занимают одиннадцать глав рассказа из двенадцати. Здесь мотив смерти, отношение к ней, как и в других творениях писателя, служит критерием оценки бунинской концепции бытия, духовного смысла «чаши жизни», предназначенной для каждого человека.

В рассказе «Чаша жизни» И.А. Бунин создал разные судьбы четырех героев, четыре разных типа существования. Однако их разнообразие становится духовно единым перед мыслью о смерти. Она, как зеркало, отражает подлинную, искреннюю душу каждого из героев, которая закамуфлирована повседневным бытом.

В структуре самой человеческой экзистенции смерть играет ключевую роль, охарактеризованную М. Хайдеггером как «забота» (Sorge) [3, с. 249]. По словам философа, она «доверяет до целого неизбывную «нецелостность», «недоверженность» человеческого существования. То есть с физической кончиной человек исчерпывает весь спектр своих возможностей и завершает свое бытие-к-смерти. Очертание экзистенциальной структуры бытия к концу жизни служит разработкой такого способа бытия присутствия, в каком оно как присутствие способно быть целым. Момент умирания – это тот математический предел, к которому всегда стремится кривая, но которого в реальности никогда не достигает. А временная ограниченность человека всегда с нами. В каждом решении, в каждом поступке, в каждом осознанном действии человека просматривается факт его ограниченности. Более того, этот факт незаметно, но настойчиво определяет то, как ведет себя человек. Это значит, что смертность – оценочно-нейтральная данность.

По словам М. Хейдеггера, «характеристика экзистенциально набросанного собственного бытия к смерти позволяет подытожить себя так: *заступание обнажает присутствию затерянность в человеко-самости и ставит его перед возможностью, без первичной опоры на озаботившуюся заботливостью, быть самим собой, но собой в страстной, отрешившейся от иллюзий людей,*

фактической, в себе самом уверенной и ужасающей свободой к смерти» [3, с. 266]. Такое испытание человека перед смертью четко зафиксировано Львом Толстым в своем рассказе «Смерть Ивана Ильича».

Страх перед смертью заставляет героя Л.Н. Толстого взглянуть на всю пройденную жизнь, заново познать самого себя и свою жизнь. «Так что ж это? Зачем? Не может быть. Не может быть, чтоб так бессмысленна, гадка была жизнь? А если точно она так гадка и бессмысленна была, так зачем же умирать, и умирать страдая? Что-нибудь не так» [9, с. 327]. Смерть подвергает суровой проверке основания бытия, самого себя, она ставит под сомнение все: не только наличие божественного в человеке, но и саму извечность божественного, грозя превратить все сущее в иллюзию, в Ничто. «Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть правда. Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим, поползновения чуть заметные, которые он тотчас же отгонял от себя, – что они-то и могли быть настоящие, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройства жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы – все это могло быть не то» [9, с. 331]. Тем самым у человека тогда появляется возможность умения быть собственно целым. Иван Ильич в этом «видел себя, все то, чем он жил, и ясно видел, что все это было не то, все это был ужасный огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть» [9, с. 331].

Экзистенциальная философия особенно подчеркивает, что «смерть, насколько она «есть», по существу всегда моя, а именно, она означает своеобразную бытийную возможность, в которой дело идет напрямую о бытии всегда своего присутствия» [3, с. 240]. Но такое пробуждение, понимание таинственного смысла жизни перед смертью отсутствует у бунинских героев. И.А. Бунин намеренно строил судьбу своих героев так, как будто их застала смерть внезапно или равнодушно. Он стремился подтвердить в рассказе мысль о том, что тайна мира открывается лишь тому, чья душа стремится к богу. «На

тридцать первом году замужества Александры Васильевны, великопостным вечером, Селихова вытащили из толпы, наполнявшей Никольскую церковь... через два дня его уже отпевали» [2, с. 328]. А десятого июня, когда Александра Васильевна поехала на вокзал на извозчике, «на этом же извозчике и привез ее обратно городской – мертвую: ее задавили, замяли в толпе» [2, с. 334]. Отец Кир, давно не встающий с постели, лежа одиноко в своем темном доме с заплаканными глазами, ждал прихода смерти. А у Горизонтова совсем равнодушное отношение к смерти. Он, наслаждаясь долголетием, даже намерен продать свой «костяк», скелет анатомическому театру Московского императорского университета.

Наших четырех героев объединяет не только их судьба (все из одного городка, три главных героя в молодости были увлечены одой девушкой), но и их трагическое, отчужденное, одинокое сосуществование, и И.А. Бунин своим рассказом способствовал утверждению экзистенциальной философии в художественной литературе. Отсутствие способности литературных героев к подлинной любви, к трезвому познанию смысла человеческого бытия воспринимается как индикатор, определитель смысла бытия человека.

Мир, сотворенный богом, целостен, совершенен, не может не радовать человека и не вызывать восхищения. Между тем, святитель Василий Великий писал в «Шестоднев»: «...целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Бог неким неразрушимым союзом любви в единое общение и в одну гармонию» [10, с. 251]. Таким образом, в рассказе «Чаша жизни» мы можем глубже воспринять бунинское мировоззрение: человек, отказавшийся от духовности, утративший любовь, забывший бога, обречен на оторванность бытия от всего прекрасного на свете. Каждый из четырех героев И.А. Бунина держал в руках свою «чашу жизни», однако, кроме одиночества, душевной пустоты и сосуществования, лишенного высокого смысла, он ничем ее не наполнил.

В небольшом рассказе Бунина-художника сконцентрированы огромной важности проблемы. Исключительная художественная емкость достигается культурологической и экзистенциальной насыщенностью поэтики, всей образной системы. В художественном

исследовании соотношения земного и небесного, жизни и смерти, памяти и вечности И.А. Бунин демонстрировал свои представления о смысле бытия.

1. *Картавец В.Н.* Рассказ И.А. Бунина «Чаша жизни»: история в литературе и литература в истории // «Воронежский текст» русской культуры: Провинциальность как эстетический код литературы XX века: сборник статей. Воронеж, 2013.
2. *Бунин И.А.* Солнечный удар. Рассказы и повести. М., 2014.
3. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Первая глава. Необходимость, структура и приоритет вопроса о бытии / пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 2013."
4. *Керлот Х.Э.* Словарь символов. М., 1994.
5. *Гудман Ф.* Магические символы. М., 1990.
6. *Соболева Е.С., Слинко М.А.* Реализация анималистического кода в рассказе И.А. Бунина «Чаша жизни» // «Воронежский текст» русской культуры: Провинциальность как эстетический код литературы XX века: сборник статей. Воронеж, 2013.
7. *Саськова Т.В.* «Чаша жизни» И.А. Бунина в контексте мировой культуры. М., 1997.
8. *Холл М.П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символистической философии. Новосибирск, 1992.
9. *Толстой Л.Н.* Малое собрание сочинений. СПб., 2014.

10. *Зеньковский Василий, протопресвитер.* Смысл православной культуры. М., 2007.

1. *Kartavtsev V.N.* Rasskaz I.A. Bunina "Chasha zhizni": istoriya v literature i literatura v istorii // "Voronezhskiy tekst" russkoy kul'tury: Provintsial'nost' kak esteticheskiy kod literatury XX veka: sbornik statey. Voronezh, 2013.
2. *Bunin I.A.* Solnechnyy udar. Rasskazy i povesti. M., 2014.
3. *Khaydegger M.* Bytie i vremya. Pervaya glava. Neobkhodimost', struktura i prioritet voprosa o bytii / per. s nem. V.V. Bibikhina. M., 2013.
4. *Kerlot Kh.E.* Slovar' simvolov. M., 1994.
5. *Gudman F.* Magicheskie simvol'y. M., 1990.
6. *Soboleva E.S., Slin'ko M.A.* Realizatsiya animalisticheskogo koda v rasskaze I.A. Bunina "Chasha zhizni" // "Voronezhskiy tekst" russkoy kul'tury: Provintsial'nost' kak esteticheskiy kod literatury XX veka: sbornik statey. Voronezh, 2013.
7. *Sas'kova T.V.* "Chasha zhizni" I.A. Bunina v kontekste mirovoy kul'tury. M., 1997.
8. *Kholl M.P.* Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejtserovskoy simovlisticheskoy filosofii. Novosibirsk, 1992.
9. *Tolstoy L.N.* Maloe sobranie sochineniy. SPb., 2014.
10. *Zen'kovskiy Vasilij, protopresviter.* Smysl pravoslavnoy kul'tury. M., 2007.

Поступила в редакцию 16.03.2015 г.

UDC 821.161.

EXISTENTIAL POETICS IN THE SHORT STORY BY I.A. BUNIN "CHALICE OF LIFE"

Lin E, Xian Jiao Tong University, Xian, People's Republic of China, Candidate of Philology, Associate Professor and Specialist in Russian Philology; Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Apprentice of Philology Institute, e-mail: yeYil@163.com

Philosophy of life in a not studied short story by I.A. Bunin "Chalice of life" (1913) is analyzed. Describing different types of human's behavior, destiny of four main characters, which are connected with each other by the generality of way of life and different grade of belonging to religious search, the author demonstrated the variety of human's existence. Chinese researcher pays attention to the composition of the work, at consequently turning events. Each character will have to drink its "chalice of life" to the dregs. The special reading of character's names was proposed by the author, the thought about their high fate is emphasized. But their way of life is limited by narrow space of existence. The special interpretation gets the motive of death. The relation of four characters to death in the aspect of existential philosophy the author of the story marked the point of view that: death, as a mirror, which reflects the real sincere soul of each of the characters, which is hidden by the everyday life. In the artistic research the comparison of mundane and heaven, life and death, infinity and memory I.A. Bunin demonstrated the inanity of being with the loss of spiritual lofty predestination, which was given by nature from the birth. In a short story by I.A. Bunin-artist were concentrated infinite problems. The unique artistic vessel is reached with culturological and existential richness of poetics of all image system.

Key words: "Chalice of Life" by I.A. Bunin; existentialism; philosophy of way of life; motive of death; genre poetics.